пи в «темной палатке», то «вольно». И уговаривали. Приезжали уговаривать из Москвы.

— Долго ли тебе мучить нас? Соединись с нами, Аввакумушко!

Видно, мир с ним очень был нужен царю. Политика кнута и пряника не помогала. Аввакум отправил в Москву с приезжавшим нарочно в Боровск ярославским дьяконом Козмой письмо «с бранью с большою». Этот Козма вел очень странную игру, похожую на провокацию. «Не знаю, какого духа человек», — сказал о нем Аввакум.

При всех он уговаривал протопопа, а наедине ободрял:

— Не отступай от старого благочестия!.. Не гляди на нас, что погибаем мы!

— А сам что же ты? — наверно, спросил Аввакум.

— Мне нельзя. Никон опутал меня...

В Москве события развивались своим чередом. Готовясь к приезду вселенских патриархов, русские епископы 29 апреля сошлись на собор. Открыли его речами царь и митрополит Питирим. Тревожные известия о росте раскола, о народных волнениях, грозивших перерасти в религиозную войну, требовали, чтобы собор прежде всего занялся идеологами и вождями недовольных.

Царь инстинктивно чувствовал опасность Аввакумова упорства и поступал как государственный деятель, хотя так до конца и не мог подавить в себе тщательно скрываемого чувства восхищения перед личностью Аввакума.

Митрополит Павел приказал срочно доставить протопопа на собор. 12 мая ему дали старую лошадь и в сопровождении пристава он поспешил к Москве. Путь в девяносто верст был проделан в один день. Пристав требовал ходу и ходу и сам нахлестывал лошадь Аввакума по крупу. Измученная кляча спотыкалась и валилась в грязь, и протопоп летел через ее голову наземь. Еле живой он дотащился до Москвы глубокой ночью, а утром уже его ждали в крестовой палате иерархи русской церкви.

И снова Павел крутицкий и Иларион рязанский пытаются уговорить и переспорить Аввакума. Но где там! Он им «столько напел, сколько надобе». Павел не выдержал, облаял Аввакума и послал его к черту. А митрополит Питирим, как «красная девка, никшнет — только вздыхает».

Не добившись покаяния, собор постановил лишить его сана и отлучить от церкви. Из крестовой палаты Аввакума провели в Успенский собор. Там уже ждал конца литургии дьякон Федор, тоже осужденный собором. Лазаря на собор не привезли, через несколько дней его осудили заочно. Никиту Добрынина Пустосвята расстригли двумя днями раньше.

Аввакуму отрезали бороду, «оборвали, что собаки, один хохол оставили, что у поляка, на лбу». Потом предали анафеме. Проклинаемые тут же прокляли отлучавших.

«Зело было мятежно в обедню ту...» 13 мая 1666 года.

Из собора расстриженных отвели на патриарший двор. В Москве началось брожение. Духовная казнь Аввакума возмутила многих. Даже у царя с царицей случилось «нестроение». Марья Ильинична, которой Морозова и другие боярыни все уши прожужжали про Аввакума, стала дуться на царя...

Видно, возмущение в Москве было сильное — отлученную троицу не посмели вывезти из Кремля средь бела дня. В полночь Аввакума вывели к спальному крыльцу, где стрелецкий голова, дежурный начальник царской стражи, удостоверясь, кто перед ним, велел вывести протопопа потайными воротами к Москве-реке. Там его ждал не кто иной, как сам Дементий Башмаков, дьяк страшного Приказа тайных дел, человек, знавший подноготную всех видных людей в Русском государстве.

Башмаков подошел к Аввакуму и сказал:

— Протопоп, велел тебе государь сказать: не бойся ты никого, надейся на меня!

Протопоп! Как будто и не лишали сана.

Что это было — проявление душевной сложности Алексея Михайловича или тонкая психологическая игра? Аввакум предположил второе.

— Челом бью на его жалование, — сказал он не без иронии. — Какая он надежа мне? Надежа моя Христос!

Аввакума повели через мост за реку. Там его посадили на телегу, которую тотчас плотно окружили конные стрельцы под началом полуголовы Салова.

Телега медленно подвигалась в сторону Коломенского, но не по дороге, а стороной, по берегу Москвы-реки, болотами, чтобы не попасться кому-нибудь на глаза. Впереди Аввакум увидел такую же телегу и стрельцов. Это везли Федора. Вскоре стало понятно, куда везут. В старинный Николо-Угрешский монастырь, построенный, по преданию, Дмитрием Донским в память победы над татарами.

«На Угрешу привезли в восьмом часу, — писал своим Федор. — И как привезли к монастырю нас, взяли отца Аввакума два стрельца под руки, обвили голову ему епанчей и повели в монастырь боковыми воротами, что от рощи. При виде этого я пришел в ужас и подумал, как помню: в пропасть глубокую хотят нас сажать на смерть; начал (мысленно. — *Д. Ж.*) прощаться с женой и чадами и со всеми вами верными. И увели Аввакума; не знал я, куда его дели. Пришел полуголова и велел стрельцам взять меня так же, а голову мою рогожею покрыть... Посадили меня в башню пустую, а бойницы замазали и двери заперли».

Сюда привезли и Никиту Добрынина Пустосвята.

В конце концов в Москве узнали, где заключенные. Аввакум написал письмо обугленной лучинкой и даже сумел переправить его своим на Мезень, хотя к нему не пустили ни сыновей, ни князя Ивана Воротынского, сулившего двадцати стрельцам-охранникам «денег громаду».

«У Николы на Угреше сижю в темной палате, весь обран и пояс снят... Иногда есть дают хлеб, а иногда и щи. Дети бедные к монастырю приезжают, да получить меня не могут...»

Дети протопопа Иван и Прокопий, а с ними и его племянник Макар Козьмин, были схвачены в монастыре. Все трое говорили, что они племянники Аввакума. Их допрашивали несколько дней, пока Иван и Прокопий не сознались, что они сыновья Аввакума, что подходили к окну темницы («под церковью в палатке»), что спрашивали отца о здоровье.

И он, утешая их, будто бы ответил:

— Живите, не тужите.

Вряд ли во всем признались сыновья узника, отпущенные в конце концов на поруки.

Голодный режим, суровость стражи делали свое дело. Федор и Никита не выдержали, написали притворно покаянные письма, будто бы признали реформу. Их отправили в монастыри, где не было тюрем со строгим режимом. И они оттуда бежали. И снова были изловлены.

В Угрешах Аввакум остался один. Но и не думал сдаваться.

Однажды в монастырь заехал сам царь. Ему уже и дорогу к темнице приготовили, песочком посыпали. Царь подошел к двери, поохал, повздыхал, «постонал», но к узнику все-таки не вошел. Подозвав полуголову стрелецкого, порасспросил об Аввакуме и поехал домой. «Кажется... — писал Аввакум, — жаль ему меня». Знал протопоп и о царице, которая стояла за него, «миленькая; напоследок и от казни отпросила», когда царя «озлобили лукавые власти».

Третьего сентября Аввакума снова отправили в Пафнутьев монастырь со строгим наказом «беречь его накрепко с великим опасением, чтоб он с тюрьмы не ушел и дурна никакова б над собою не учинил, и чернил и бумаги ему не давать и никого к нему пускать не велеть, а корму давать как и прочим колодникам».

Сперва келарь Никодим был добр к заключенному. Никодим тайком покуривал, на домре играл. Но как-то Аввакум попросил у Никодима позволения ради праздни-

ка на пороге посидеть, воздуха дохнуть, а тот жестоко отругал его. Потом каялся, ухватившись за цепь, которой был скован Аввакум, и даже разрешил свидание с одним из сторонников протопопа юродивым Федором, спрашивавшим разрешения носить мирское платье, чтобы спастись от преследований. Одно время Аввакума держали в темнице, заложив кирпичами двери. В помещении стоял дым и отправлялись естественные надобности.

Приехал как-то в монастырь калужский дворянин Иван Богданович Камынин, зашел к Аввакуму и едва не задохнулся в клоаке, которой стала его тюрьма, накричал на келаря и, не спрашивая никого, кирпичи выломал, отвалил землю от окошек, отбил доски, и с тех пор у Аввакума воздух посвежее стал.

45

И пока он мучается, пока его уговаривают, пока воюет он с монастырскими властями и перетягивает многих на свою сторону, пока переписывается с Морозовой, в Москву прибыли два патриарха и начался большой собор.

У гостей Москвы были громкие титулы: «Кир Паисий — папа и патриарх великого божия града Александрии и всей Вселенной судия», «Кир Макарий — патриарх божия града великая Антиохии и всего Востока». Так их называли в Москве. На родине патриархами их уже не считали. Турецкий султан лишил их престолов за оставление паствы без разрешения властей. На Востоке сочувствовали грекофилу Никону. Но жадность превозмогла «идейные соображения». Они привезли с собой много вина и табака, которым на Руси запрещали торговать под страхом смертной казни. Им же разрешили торговать и тем и другим. Утешение от потери престолов и угрызений совести патриархи нашли в богатых царских подарках — мехах и золоте. Впрочем, дипломаты Алексея Михайловича похлопотали и о возвращении им престолов.

Но 2 ноября 1666 года Москва встречала патриархов звоном колоколов и выспренними речами. Право их на участие в русском соборе было сомнительным. Но царь уже уладил это, получив подписи русских иерархов. Теперь он три часа просидел с гостями наедине и заручился их поддержкой.

Высоко подняв голову, вошел Никон в столовую избу, где заседал собор. Все встали, когда он начал читать молитву. Никон поклонился царю до земли трижды, а патриархам дважды и, не увидев особого места для себя, отказался сесть...

И тут царь сошел с трона и сказал:

— От начала Московского государства соборной и апостольской церкви такого бесчестья не бывало, как учинил *бывший* патриарх Никон: по своей прихоти, самовольно, без нашего повеления и без соборного совета церковь оставил, патриаршества отрекся никем не гоним, и от этого ухода многие смуты и мятежи учинились, церковь вдовствует без пастыря девятый год...

И хотя собор судил Никона еще много дней, участь его была давно решена.

В одной из речей на соборе Алексей Михайлович припомнил, как Никон составил письмо с обращением к мощам Филиппа, как уговорил он царя просить прощения за «согрешения прадеда».

— Для чего он, Никон, такое бесчестье и укоризну блаженныя памяти великому государю царю и великому князю Ивану Васильевичу всея Руси написал?

Будто бы и не было мечтаний и задушевных бесед в молодые годы. Один Никон виноват. Теперь даже намека на осуждение царской власти не потерпел бы Алексей Михайлович.

Никон промолчал.

Двенадцатого декабря Иларион рязанский прочел длинную выписку из соборных деяний. Никон обвинялся в самовольном уходе с престола, в оскорблении царя, в смуте,

в жестоком обращении с людьми... Любопытно, что припомнили ему и мучения противника реформы епископа коломенского Павла, которого Никон «предал на лютое биение; архиерей этот сошел с ума и погиб безвестно, зверями ли заеден, или в воде утонул...».

Патриарх антиохийский Макарий сиял с Никона клобук и панагию и стал поучать, как смиренно ему жить надо в простых монахах.

— Знаю я и без вашего поучения, как мне жить, — сказал патриархам Никон. — А что вы клобук и панагию с меня сняли, то жемчуг с них разделите между собой, достанется вам жемчугу золотников по пяти и по шести, да золотых по десяти. Вы султанские невольники, бродяги, ходите всюду за милостынею, чтоб было чем заплатить дань султану...

Когда Никона отправляли в место заточения, в Ферапонтов Белозерский монастырь, царь прислал ему денег и шубу на дорогу. Тот не взял даров и не дал своего благословения царю и его семейству. А народ московский уже жалел и Никона, толпы набежали к Сретенке, но его повезли другой дорогой. И будут потом ходить слухи, будто Стенька Разин встретился с Никоном в монастыре и благословение от него получил, а потом видели якобы патриарха в обозе у мятежного казака...

Новым патриархом избрали во всем послушного царю Иоасафа. Но и то, чтобы власти церковные впредь не заносились, Паисий Лигарид выработал «правило», в котором нарушением закона считалось любое противление царской власти, «патриарху же быти послушлива царю». Так Тишайший постепенно сделал то, что не удавалось и Грозному царю.

Новый патриарх приступил к рассмотрению дел церковного раскола, и 13 мая 1667 года собор проклял дониконовские обряды.

46

К этому времени Аввакума уже привезли в Москву. На подворье Пафнутьева монастыря тотчас стали наведываться московские друзья Аввакума. Боярыня Морозова почти не выходила из его келий. Иногда с ней приходила Евдокия Урусова. Женщины кормили отощавшего узника роскошными обедами, а он их потчевал задушевной беседой. Время от времени Аввакума волокли в Чудов монастырь, где бравый архимандрит Иоаким и другие власти с ним «грызлись, что собаки».

Потеряв надежду переубедить Аввакума, 17 июня его доставили в крестовую палату, где заседал собор — два восточных патриарха и больше сорока русских епископов. Пожалуй, это был самый знаменательный день в жизни Аввакума. Как никогда, он был собран и уверен. А ведь уже не выдержали и покаялись перед этим грозным собором и его учитель Григорий Неронов, и соловецкий архимандрит Никанор, и Никита Добрынин Пустосвят...

Аввакум с презрением посматривал на русских иерархов, лебезивших, как лисы, перед восточными патриархами. Спор об обрядах был долгий. И наконец один из патриархов привел довод, казавшийся ему неотразимым:

— Почему ты упрямишься? Вся наша Палестина, и сербы, и румыны, и албанцы, и римляне, и ляхи, — все тремя перстами крестятся, один ты стоишь в своем упрямстве... Так не подобает!

— Вселенские учители! — отвечал Аввакум. — Рим давно упал и не встанет... И у вас православие пестро стало от насилия турецкого Магомета. Да и не удивительно, немощны вы стали. Впредь приезжайте к нам учиться: у нас, божиею благодатью, самодержавие...[1]

---

[1] Позже это слово, означавшее «независимость», накрепко связали с царской властью, а с появлением западников всех толков оно и вовсе стало бранным.

Аввакум слушал, как переводит патриархам его слова толмач архимандрит Дионисий, и думал свое. Вот сидят «всей Вселенной судия» и «патриарх всего Востока», а плут Дионисий помыкает ими. Написал им, что старые русские обряды от невежества возникли, а они за ним и повторяют. А попробуй не повтори, он им сразу пригрозит: царь даров не даст и сошлет, как Максима Грека... Слушаются патриархи, как миленькие. Жалкие они, привыкли унижаться перед турками. А Русь, слава богу, самостоятельна — самодержавна, и православие до Никона было чисто и непорочно. Москва — третий Рим; на десятки тысяч верст расширилась держава; сам в ее концах бывал — три года надо ехать. Стоглавый собор при царе Иване повелел, как слагать персты, а на нем были и казанские чудотворцы, и соловецкий игумен Филипп, русские святые...

Так и сказал Аввакум.

Патриархи задумались. И тут вскочили Павел и Иларион, только что за усердие в деле Никона осыпанный наградами.

— Глупы были и не смыслили наши русские святые! Неученые люди были! Грамоте не умели! Зачем им верить?..

Как?! Русских дураками зовут!.. Этого Аввакум стерпеть не мог. Слова из Евангелия об беззаконных он завершил потоком брани. «Собаки, никониане, воры, другие немцы русские» — это еще не самые сильные ругательства, которые он тогда употребил.

— Да нечего вас и слушать: только и знаете, что говорите, как продавать, да как покупать, как баб блудить, как ребят в алтаре за афедрон хватать!

Много чего творилось под сводами крестовой палаты, но такого еще не бывало. Степенные епископы кричали:

— Возьми, возьми его! Всех нас обесчестил!

Все сорок с лишним человек бросились на Аввакума, стали его толкать, бить. Дьяк патриаршего двора Калитин потащил его к выходу...

— Постой, не бейте! — вскричал Аввакум.

Разъяренные епископы отпустили его.

— Денис, — сказал он толмачу, — говори патриархам: по апостолу Павлу, архиереям подобает быть преподобными, незлобивыми и прочая. А как же вы, убив человека, в церкви служить станете?

Это отрезвило собор, и все расселись по местам. Аввакум отошел к дверям и, видно сильно помятый отцами церкви, повалился на бок.

— Вы посидите, а я полежу, — съюродствовал он.

Это развеселило иерархов.

— Дурак протопоп! — бросил кто-то. — Патриархов не почитает.

— Мы — уроды-дураки; вы в славе, а мы в бесчестии; вы сильны, а мы немощны, — ответил ему Аввакум, перефразируя слова апостола Павла...

Спор продолжался, пока Аввакум не услышал:

— Нечего нам больше говорить с тобою.

Да и повели его сажать на цепь.

47

Под усиленной охраной Аввакума отвезли на Воробьевы горы. Там он встретился с еще двумя нераскаявшимися узниками. Первый был соловецкий старец Епифаний, ушедший из монастыря из-за никоновских реформ. Он долго жил отшельником на реке Суне, написал обличительную книгу и пришел в Москву «спасать» царя от никониан. Отныне они с Аввакумом, который станет его духовным сыном, не расстанутся до самой смерти, как и с другим узником, уже знакомым по Тобольску, попом Лазарем. Из Тобольска его отправили в Пустозерск, откуда и затребовали в Москву на церковный собор.

Все трое потом «градскому суду преданы быша»...

Лазарь собирался крепко поспорить на соборе, обличал мздоимство и разбойничьи ухватки «пастырей церков-

ных», но ему много говорить не дали. Тогда он сделал предложение совсем в духе Стефана Пермского.

— Молю вас, — сказал он патриархам и всему собору, — повелите мне идти на судьбу божию в огонь, и если я сгорю, то правы новые книги. Если же не сгорю, то правы старые наши отеческие книги...

Патриархи тотчас заявили, что не имеют на это права. Русские иерархи тоже растерялись и положились на волю царя. Алексей Михайлович так и не рискнул прибегнуть к «божьему суду»...

Аввакум вспоминал: «Поставили нас по розным дворам; неотступно 20 человек стрельцов, да полуголова, да сотник, над нами стояли, — берегли, жаловали, и по ночам с огнем сидели, и на двор срать провожали». И добавлял со всегдашней своей доброжелательностью ко всем, кто не был, по его мнению, сознательным носителем зла: «Прямые добрые стрельцы те люди... мучатся туды же, с нами возятся: нужница та какова прилучится, и они всяко, миленькие, радеют».

А впрочем, как не порадеть, если узники такие знатные, что вся Москва о них говорит, если их из страха перед гневом народным то и дело перевозят с места на место — то в Андреевский монастырь, то в Савину слободку, то в Угрешскую обитель, если, что ни день, их навещают и уговаривают самые именитые и близкие к государю люди.

Царь то пришлет совсем уже сломленного старика Неронова склонять Аввакума к покаянию, то грозного дьяка Дементия Башмакова — «шпынять». Опять увещевали его митрополиты Павел с Ларионом, архимандрит Иоаким и многие, многие другие... Вроде бы все — отлучили, прокляли, а продолжают его называть протопопом и ищут его благословения. Полтора месяца Алексей Михайлович еще питал надежду на примирение с упрямцем. Присылал людей с просьбой благословить его с царицей и детьми.

Аввакум в ответах на предложенные ему вопросы писал, что царь православен, но книги «простою своею ду-

шою принял от Никона». Он тоже не терял надежды убедить даря. Вспоминалось ему, как в доброе старое время, когда он еще в Казанском соборе книги читал, пришел туда на праздник Алексей Михайлович крашеные яйца раздавать. Сын Аввакумов Иван совсем еще маленький был. Вышел он куда-то из церкви на улицу. Царь Ванюшку хорошо знал и послал брата Аввакумова сыскать ребенка. Долго стоял, ждал, покамест брат не привел мальчика. Царь ему руку дает целовать, а он видит, что не поп, и не целует, несмышленыш. Тогда царь погладил его по головке и два яйца дал. Мучитель царь, а ведь добр бывал.

Аввакум вздохнул и в очередном послании царю приписал благословение ему, царице и детям.

Когда узников взяли в Москву на Никольское подворье, комнатные люди царя то и дело ходили. Сам Артамон Матвеев, любимец царский, по два раза в день бывал. Однажды он привел с собой Симеона Полоцкого.

Воспитатель царевича большую силу взял. Членом собора он не был, но вмешивался в допросы и давал указания епископам. Уже Печатный двор и книгу его выпустил. «Жезл правления». Одни называли ее «чистым серебром», другие видели в ней одно «латинство». А была она направлена против сочинений Лазаря и Никиты.

С Аввакумом у Симеона получился такой крик, что узнику потом кусок в горло не полез от возбуждения.

Напоследок Симеон сказал:

— Какая острота телесного ума! Да лихо упрямство. — И добавил, обратясь к Матвееву: — А все оттого, что науке не учился.

Аввакум только сплюнул и опять свое. Артамон Матвеев начал грозить ему смертью.

— Смерть мужу покой есть, — сказал Аввакум. — Не грози мне смертью, не боюсь я телесной смерти...

Через несколько дней царь опять прислал Матвеева со слезными просьбами. Аввакум смеялся:

— Не ищи в словопрении высокой науки...

Уходя, Матвеев не выдержал и сказал сквозь зубы:

— Нам с тобою не сообщно!

И в самом деле, ничего общего не было у Аввакума ни с Симеоном, ни с одним из первых русских «западников» Матвеевым, верившим в светское просвещение. Была б воля Матвеева, а не царская, он раздавил бы Аввакума и не оглянулся...

48

Только 26 августа царь подписал указ о ссылке в Пустозерск Аввакума, Епифания, Лазаря и Никифора. Последний был протопопом, его «за ослушанье и за непокоренье о крестном знамении» приказали взять в Симбирске восточные патриархи, когда еще ехали в Москву; в Пустозерске он вскоре умер.

На другой день Аввакума и Никифора отвезли в Братовщину, село, что на полпути в Троице-Сергиеву лавру, а Епифания с Лазарем повезли на Болотную площадь. Тут, напротив Кремля, за Москвой-рекой, палачи усадили их на скамьи и вырезали языки. Аввакума от этой казни спасло заступничество царицы.

Все это совершалось скрытно и в страшной спешке. Епифаний писал: «...ухватили нас, как звери лютые суровые, и помчали нас так же скоро, скоро. Мы же от болезней и ран горьких изнемогли, не можем бежать с ними, и они ухватили извозчика, и посадили нас на телегу и все-таки помчали нас скоро». Едва душу не вытрясли из истекавших кровью людей, пока тоже не привезли в Братовщину. Оттуда начался их скорбный путь в «место тундряное, студеное и безлесное», в заполярный Пустозерск...

Вез их сотник Федор Акишев с девятью стрельцами, и был у него строгий наказ — не пускать никого к узникам, не давать им обращаться к народу. Но на Печоре, в Усть-Цильме Аввакум, по преданию, из-за стрелецкого частокола руку вверх взметнул «с крестом верным» и крикнул:

— Этого держитесь, не отступайтесь!

От Усть-Цильмы до Пустозерска оставалось всего двести пятьдесят верст. По льду реки за шесть дней, слившихся в сплошную полярную ночь, одолел санный поезд этот путь, и 12 декабря пустозерский воевода Иван Саввинович Неелов уже встречал и размещал по избам московских колодников и стрельцов.

49

В сопроводительной царской грамоте воеводе велено «тем ссыльным сделать тюрьму крепкую и огородить тыном вострым в длину и поперек по десяти сажен, а в тыну поставить 4 избы колодникам сидеть, и меж тех изб перегородить тыном же, да сотнику и стрельцам для караулу избу...». Да где ж леса взять в тундре? Решил воевода «очистить» несколько изб — пусть порознь колодники живут, пока мужики лес по Печоре не сплавят да тюрьму не построят.

Так и жили. В апреле 1668 года привезли и дьякона Федора, тоже без языка. Помаленьку казненные научились урезанными языками говорить, и Аввакум, а потом и все за ним стали толковать об этом как о чуде — языки-де выросли.

Тогда, на Угреше, Федор покаялся. Это была уловка. Его отправили в Покровский монастырь, но он из-под надзора ушел к себе домой, взял жену и детей и скрылся. Все же он был сыскан и осужден на урезание языка и ссылку в Пустозерск.

Пустозерск ныне не существует. За несколько часов хода от Нарьян-Мара по протокам Печоры можно добраться на моторке до того места, где он был. Из земли торчат венцы и целые срубы. Печорская волна бьет в берег, размывая его все дальше и унося следы былой жизни. Поодаль видны черные покосившиеся кресты и обелиск, воздвигнутый стараниями известного исследователя жизни Аввакума и

собирателя древнерусских рукописей Владимира Ивановича Малышева.

Судя по плану Пустозерска в книге Николая Витсена «Северная и Восточная Татария», изданной в Амстердаме в 1705 году, это был довольно большой город. Вокруг стен острога стояли постоялый двор, таможня, съезжая изба, дом воеводы, подворье пинежского Красногорского монастыря, несколько церквей, дома и лавки торговых людей, мастеровых, стрельцов. Во времена Аввакума в Пустозерске жило не менее шестисот русских людей, да вокруг во множестве ставили свои чумы ненцы.

Острог «зарубили» в 1499 году московские воеводы князья Ушатый и Курбский да еще Заболотский Бражник. Сюда стекались потоки пушнины, отсюда выходили промышленники осваивать Новую Землю и Шпицберген, выступали отряды, покорявшие Сибирь... Основанный на полсотни лет раньше Мангазеи, Пустозерск стал хиреть одновременно с ней. Он был обречен на прозябание царским запретом плавать по северным морям, когда англичане стали посягать на русский Север.

Сначала Аввакум, Лазарь, Епифаний и Федор жили в Пустозерске почти свободно, сходились, обсуждали книгу «Ответ православных», которую писал Федор. В Пустозерск приехала и купила избу жена Лазаря Домница. Настасья Марковна с детьми оставалась на Мезени, старшие сыновья мыкались в Москве.

Правда, голодновато было. Соли не давали. Одежишка пообоpвалась. Ходили «срамно и наго». В сопроводительной грамоте воеводе указывалось, чтобы он давал сотнику московских стрельцов из таможенных и кабацких сборов деньги на покупку корма из расчета по два четверика ржаной муки на хлеб и полчетверика на квас в месяц на каждого человека. Это примерно сорок килограммов муки. Других продуктов не выдавали, но муку можно было обменять на что угодно. Да только не получали колодники этой муки. В своей первой челобитной царю из Пустозерска Аввакум

писал: «А корму твоего, государь, дают нам в вес — муки по одному пуду на месяц... Хорошо бы, государь, и побольше для нищей братии за ваше спасение». Это был уже голодный паек. Полтора пуда «прилипало» к рукам воеводы, сотника и стражников.

В той же челобитной Аввакум напоминает царю, как тот велел Дементию Башмакову сказать тогда у потайных ворот, чтоб надеялся протопоп на государя. Вот и просит он за себя да за своих сыновей Ивана и Прокопия. Просит отпустить их на Мезень.

Но уже менялось его отношение к царю. Приходили из Москвы вести нерадостные.

50

Собор признал законными реформы Никона. Греки твердили, что русские завели ереси с тех пор, как независимы стали от Константинополя. Особенно усердствовал Дионисий. В великую субботу русское духовенство пошло с плащаницей «посолонь» — по ходу солнца, а Дионисий увлек восточных патриархов в обратном направлении, навстречу русским. Замешательство, спор, крик во время богослужения. Царь вмешался в конфликт и предложил идти вслед за гостями. Так похерили еще один русский обычай, заимствованный, кстати, у Византии.

Греческие иерархи настояли на том, чтобы запрещена была «Повесть о Белом Клобуке», где писалось о предательстве греческой церкви на Флорентийском соборе и о великом предназначении Руси — Третьего Рима. Запретили даже писать на иконах русских митрополитов Петра и Алексея в белых клобуках.

В тот же год Соловецкий монастырь отверг новые обряды.

Бывший архимандрит его Никанор, покаявшийся на соборе, повел себя в Соловках иначе. Взбунтовалась братия,